

23. СКОТСКАЯ СТРАНА

В 20 столетии в Беларуси были колхозы. Основным населением в колхозах были коровы, свиньи, телята, они жили на фермах. Фермами назывались сараи из железобетона, окруженные болотом. Чтобы зимой население разрозненных ферм не окоченело, колхозники-люди стогнали его в укрупненное стадо. Оно дружно дышало, выделяло разные газы, обогревалось. Однажды зиму в колхозе проворонили.

Справка метеостанции.

"Дана техником-агрометеорологом Гаврушкиной М.М. в том, что 29 декабря 19... года на территории района максимальная температура воздуха составила 2 градуса мороза. В ночь с 29 на 30 декабря шел снег, максимальная температура воздуха была минус 5."

Решение суда.

"29 декабря 19... года по указанию главного зоотехника колхоза "Третий Интернационал" Сарафановой С.Н. и ветфельдшера Сутько П.П. телята в количестве 80 голов были перегнаны с фермы деревни Березовка, где содержались в ненадлежащих условиях, без полноценного рациона кормления, на ферму деревни Партизанская на расстояние 16 километров. О том, что скот будет пригнан на ферму Партизанская, заведующий фермой Фук И.П. знал, однако на ферме отсутствовал и не принял мер к размещению скота. В результате того, что истощенный скот был оставлен на ночь в загоне, не накормлен, 80 голов молодняка крупнорогатого скота пали от переохлаждения организма. В связи с чем истец, колхоз "Третий Интернационал", просит взыскать с виновных сумму причиненного ущерба."

Из кассационной жалобы Фука И.П.

"С решением суда я не могу согласиться по следующим причинам:

1. Были нарушены правила "Ветеринарного законодательства", согласно которым, перегонять скот на расстояние 16 км своим гоним категорически запрещается.

2. Разместить скот на ферме я не имел права, потому что нарушил бы правила "Ветеринарного законодательства", в которых указано, что партия вновь прибывшего скота подлежит размещению в карантинном помещении и в течении 30 дней находится под наблюдением ветврача (т.2, стр.6, гл.2, п.19).

3. Предрасполагающим фактором переохлаждения является истощение животного, а также различные заболевания, в том числе и переутомление

животного вследствие длительного перегона. Не я довел скот до крайнего истощения, не я давал указание перегонять его на 16 километров.

4. В докладной председателя колхоза "Третий Интернационал" указано, что я отсутствовал на ферме Партизанской вследствие нетрезвого состояния. Однако я прибыл на ферму в 17 часов, скот уже стоял в загоне, но отсутствовали скотники, разместить скот в помещении я один не мог."

Письмо журналиста.

"Фуку И.П.

Выяснив на месте обстоятельства, приведшие к гибели 80 телят, я могу сказать вам следующее.

Зная, что телята не накормлены, не поставлены в сарай, видя, что идет снег, что на градуснике минус пять, вы сидели дома, а в это время телята коченели от холода и голода. У меня рука не поднимается защищать вас от несправедливого, как вы пишете, суда. Причиной массовой гибели скота явилось ваше (и ваших коллег) безжалостное отношение к животным.

А.Козлович, соб. корр. "ЛГ".

Через полгода Фук мне позвонил и злорадно сообщил, что Верховный суд его полностью оправдал. Деньги за падших телят будут взысканы с председателя колхоза. А на меня, допустившего ошибку, отказавшегося защитить труженика колхоза, он, Фук, напишет жалобу.

В Беларуси в 20 веке существовала СКОТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ под заглавием "Ветеринарное законодательство". Верховный суд последовал Ее букве и духу. И слетела вина с плеч Фука, переместившись на плечи журналиста, который в служебной командировке "не искал истину, а ездил на рыбалку, ужинал в ресторане, совершал другие некрасивые действия".

Фук направил жалобы в редакцию и во властный орган. Редакция корреспондента поддержала, власть — нет. Меня обвинили в нарушении Скотской Конституции. Обвинили те, кто сделал нормой нечеловеческое отношение к животным.

Голодные колхозные коровы перед тем как замертво повалиться на бок мычат так громко, что в деревне дрожат оконные стекла, плачут маленькие дети и сердобольные женщины, крестятся старики, перестают следить за солнцем ромашки и подсолнухи — и увядают.

Голодные колхозные свиньи визжат как резаные, а, увидев в сарае человека, свиной массой разбивают загородки, бросаются на обидчика,

сбивают с ног, рвут. О тактике голодных свиней колхозники знают, поэтому корм им бросают через дыры в крыше. Полководцы древних времен для расчленения противника строили своих воинов клином под названием "свинья".

Деревня при колхозной ферме (таковых деревень в Беларуси большинство) лишается тишины и покоя. Ферма, кроме зловония, непрерывно ИЗЛУЧАЕТ СТРЕСС. У животных в результате неестественно большого их скопления развивается непреходящее беспокойство. Оно усиливается бескормицей, микроклиматическим дискомфортом, грубостью персонала. Ферма превращается в биологический стрессор, подчиняющий все живое.

Вокруг фермы с максимальной скоростью деградирует жизнь. Колхозная ферма противоестественна, ибо разрывает вечную связь животноводства и земледелия. Нормальные животные, поедая зеленый корм, выделяют экскременты, которые удобряют землю, на которой вырастает зеленый корм. Колхозные животные своими экскрементами землю отравляют. Грязная пустыня, возникнув у фермы, растекается дальше и дальше. Животворящий навоз, пройдя сквозь колхоз, несет смерть.

Люди пытаются противостоять пустыне, сажают у фермы цветы. Чтобы улучшали ландшафт и настрой. Но цветы живут недолго. Я думаю, это происходит не из-за отравления гадостью, текущей в земле (в цветочные клумбы иногда привозят чистый грунт). Цветы умирают от стресса.

Волны животного стресса улавливаются и людьми. Человек подчиняется ферме не только физически, но и психологически. Этологические характеристики людей и животных уподобляются. Население деревни и население фермы сливаются в единое стадо. Беспокойное стадо, обитающее в СКОТСКОЙ СТРАНЕ.

В этой стране животные стоят по брюхо в навозной жиже, а небритый пьяный слесарь, закатав рукава фуфайки, пытается на ощупь отыскать в жиже концы разорванного транспортера, но никак не находит, теряет равновесие, падает, барахтается.

В этой стране не выпавшиеся женщины напиваются, матерятся, бьют палками коров и свиней, чтобы затихли, захлебнулись, удавились, сдохли, не напоминали своим существованием о скотской жизни.

В этой стране толпа, соблазненная "пивным фестивалем", безмозгой свиньей давит людей на берегу подземной реки Немиги.

В этой стране случаются катаклизмы в виде черноусого начальника в белоснежном халате. Он бы никогда не сунулся в вонь и грязь, да ведь альтернативы нет — в скотской стране его электорат.

Отбиваясь от обвинений заведующего Партизанской фермой Фука, я провел контрразведку данной личности. Фук родился в деревне Партизанской 27 лет тому назад. Закончил сельхозтехникум. В семье, где рос, было шестеро детей. Мать работала на ферме дояркой. Вставала в четыре, ложилась в двенадцать. Маленьких детей обычно запирала в хате одних (отец был на колхозном тракторе), бежала на ферму, прибежала, кормила, опять убегала на ферму. С пяти лет детей брала с собой на ферму — так спокойнее. Сажала в "красном уголке", давала игрушку, возилась с коровами, заглядывала к детям. **Фук ВЫРОС НА ФЕРМЕ.**

Когда Фук еще не вырос, а подрос до десяти, сидеть бесцельно в "красном уголке" мать не дала. Марш к коровам! Доярка настолько устает, что без помощи домашних с работой не справится. Помогают мужья, престарелые матери, дети. Дети любят помогать взрослым, когда сие — игра, эпизод. Но когда помощь превращается в ежедневную повинность, когда нужно таскать тяжелые ведра с водой и молоком, когда работа грязная, когда мать поднимает с постели очень рано, — детство переходит в рабство. Фук — РАБ.

Он ненавидел ферму и коров, но после восьми классов пошел учиться на ... зоотехника. Колхоз послал его в техникум продолжать династию животноводов. Нищая семья избавилась от лишнего рта. Иных вариантов не существовало. Выросший на ферме, воспитанный в рабстве, Фук стал начальником скота. Смерть 80 телят была предрешена. Ферма, построенная людьми, начала порождать гибрид людей-скотов. Полукони в мифологии именовались кентаврами, полульвы — сфинксами, животноводов типа Фука предлагаю мифологизировать под лексическим кодом: СКОТНИК (колхозы из-за их трагичности в истории человечества обязательно обростут атрибутами мифа).

Демоны зла, обитающие на каждой колхозной ферме, не везде могут обнажиться так откровенно, как скотник Фук. Там же, на ферме, имеется противоборствующий фактор — ДОБРО. Точнее — доброта и бескорыстие белорусской женщины, главной работницы фермы. Не обласкав сполна детей и мужа, не успев насладиться женским счастьем, она свою ласку отдала колхозным коровам. И коровы — отзываются. И текут молочные реки. Но берега их не кисельные, а русла мелеют, мелеют, мелеют.

Максимальные надои от колхозных коров были в Беларуси в шестидесятых годах, лучшие доярки получали до 8000 литров в год. Это

мировой уровень. Его покорили белорусские доярки, работающие с так называемым доильным ведром. Введу в курс. Существуют три вида механического доения: доильная площадка, где корова заходит в металлический станок; молокопровод, к которому подключается корова, стоящая в стойле; доильное ведро, которое доярка приносит к корове и соединяет с вакуумным насосом.

Я провел исследование, использовал многолетние годовые сводки о надоях молока в стране. Вывод статистически устойчив: высшие надои (на полторы тысячи литров больше!) получает доярка, работающая простейшим методом — доильным ведром. Подойдя к корове с ведром, доярка ласково похлопает корову по спинке, почешет за ушком, назовет по имени, помассирует и теплой водой вымоет вымя. Лучшие доярки сами лечат коров, не доверяя ветфельдшерам, сами убирают за ними, не подпуская скотников.

Добрые женщины природным чутьем пришли к науке этологии. Задушевный контакт человека и животного экономически эффективен, поскольку увеличивает количество молока и мяса, и гуманен, поскольку не допускает оскотинивания общества.

В восьмидесятых годах рекорды надоев опустились до 7000, в девяностых — до 6000. Колхозная корова-современница в усредненном виде превратилась в козу и дает полторы-две тысячи литров молока. Молоко превратилось в дефицит (как прочие продукты животноводства и земледелия). Чтобы решить проблему, государство увеличивает поголовье скота, строит гигантские фермы (комплексы), где природа человека и природа животного разделены непроходимой железобетонной стеной, где властвуют стресс и говно.

Доярки-рекордсменки шестидесятых годов, попрятав геройские звезды, завершают земной путь в общественном забвении. Их руки покручены ревматизмом, их ноги разбухли, как колоды. Их души сгорели от обиды. Их дочери, которым они, уходя на пенсию, передали выпестованных коров, тоже уходят на пенсию, и их руки покручены ревматизмом, и их ноги разбухли, как колоды, но в их душах, вспыхнув от обиды, запылал протест — и своих дочек на колхозную ферму, в скотскую страну они не отдали. Прервались животноводческие династии, потому что устало добро, противостоящее злу, и иссякло бескорыстие, выгораживающее государство, в котором реальные права человека подменены формальными правами животного.

Белый халат неадекватен там, где грязь, грязь, грязь. Не будет у Главного Скотника ни молока, ни мяса, ни яиц, сколько бы он ни обещал, сколько бы ни развлекал-отвлекал от грязи фестивалями и дожинками. На фестиваль белорусской песни, разрекламированный скотовидением, поехали

два паренька-студента. Оделись празднично, нацепили значки с национальной символикой. К ним подошел омоновец, потребовал: "Снимите кобылки!" — "Это не кобылки, а герб Погоня. Пора бы знать." — "Вы будете меня учить, скоты!" Омоновец натренированно прыгнул, ботинком ударил одного и другого в лицо. Ребята, обливаясь кровью, полетели в грязь.

1999

www.kamunikat.org